— Берегись! — закричал Феликс.

Посреди кишащих под ними орд, один из хаосопоклонников — увешанная амулетами высокая тощая фигура в чёрном, в серебряном шлеме с изогнутыми козлиными рогами, — поднял резной посох, указав на них. Обжигающая энергия потрескивала вокруг верхушки посоха, и с поверхности к воздушному кораблю прыгнул разряд кроваво–красной молнии. Другие колдуны присоединились, вкладывая в атаку свои магические силы, и мощность разряда увеличивалась, пока от яркости вспышки не заболели глаза, а рёв грома не стал угрожать Феликсу потерей слуха. Молния вспыхнула и затрещала вокруг „Духа Грунгни“. Запах палёного металла и озона заполнил воздух. Выглядело это так, словно корабль сам по себе оказался запертым в центре грозы. Гондола тряслась и раскачивалась. Драгоценные камни в глазах статуи на носу судна горели ярким светом, и Феликс почувствовал, что амулет на его груди потеплел. Макайссон выкрутил штурвал, дёрнул рычаг высоты, и они направились в небеса, к низко нависающим облакам.

Воздушный корабль трясся и взбрыкивал, словно испуганная лошадь, и Феликс опасался, что их магическая защита будет преодолена. Затем атака прекратилась столь же внезапно, как и началась.

«Как бы не оказалось поздно», — беспокоился Феликс. Он смотрел вниз, на стоящую лагерем армию Хаоса. Похоже, путешественники пересекли некий рубеж, подошли слишком близко и потому были атакованы. Следовательно, вполне вероятно, что пока они сохраняют дистанцию, остаётся возможность безопасно пролететь над армией. «Возможно, хаосопоклонники опасаются нападения сверху, — подумал Феликс. — Или, что столь же вероятно, они попросту безумны».

Ужасающая тишина установилась на командной палубе. Гномы обменивались потрясёнными взглядами. Сидя на корточках у окна, Феликс наблюдал за ними. Наконец Борек заговорил негромким хриплым голосом.

— Этого я не ожидал, — произнёс он, и в его голосе отразился груз прожитых лет.

Он покачал головой:

— Это невозможно.

Готрек был бледен, хотя Феликс не мог сказать, от ярости ли или какой–то другой сдерживаемой эмоции.

— Цитадель по–прежнему держится? Наш народ всё ещё там?

Борек посмотрел на него одним слезящимся глазом и покачал головой:

— Ничто не может противостоять силам Хаоса два столетия. Там, внизу, в живых не могло остаться никого.

Костяшки пальцев Готрека побелели, когда он крепче сжал топор.

— Тогда зачем там эта громадная армия? Зачем они осаждают гномью крепость? С кем они сражаются, если не с нашими сородичами?

— Я не знаю, — произнёс Борек. — Ты видел эту армию. Ты видел разрушения в долине. Крепость гномов не смогла бы выдерживать подобное нападение столь долго.

— А что, если они выдерживают? Что, если там остались выжившие гномы? Это означает, что мы бросили наших сородичей на милость Хаоса почти на два столетия. Это означает, что мы отреклись от наших старых соглашений о союзе с ними. Это означает, что наш народ не сдержал обещание.

Борек поднял свою трость и постучал её концом по стальному полу. Кроме шума двигателей, это был единственный слышимый звук. Феликс взвесил их доводы. Он был согласен с Бореком. Казалось крайне невероятным, что какая бы то ни было крепость могла около двух столетий выдерживать осаду опустошительных армий Хаоса, пусть даже удерживаемая столь упорными защитниками, как гномы. У него возникло другое возможное объяснение.

— А не может ли оказаться так, — осмелился предположить Феликс, — что Караг–Дум пал перед силами Хаоса, и какой–то военачальник Тёмных Сил занял его и сделал своей крепостью? Возможно, хаосопоклонники сражаются друг с другом за обладание ей.

Он заметил, что все посмотрели на него. На некоторых лицах было написано понимание, на некоторых — разочарование. До него дошло, что некоторые из гномов, включая Готрека, надеялись обнаружить там своих потерянных сородичей.

— Это кажется наиболее вероятным объяснением, — произнёс Борек. — И, если это правда, тогда нам нечего тут делать. С тем же успехом можем разворачивать воздушный корабль и отправляться домой.

Феликс снова почувствовал разочарование находящихся на командной палубе, на этот раз более сильное, чем ранее. Эти гномы проделали долгий путь, пожертвовали многим, чтобы попасть сюда, а теперь предводитель говорит им, что всё может оказаться напрасным. И даже сейчас все гномы кивнули головой в знак согласия. За исключением Готрека.

— Но такое объяснение — не единственное, — произнёс Истребитель. — Мы точно не знаем причину.

— Верно, Готрек, но что ты хочешь от нас?

— Высадить кого–нибудь в крепости! Организовать экспедицию в глубины, которую мы будем охранять. Поискать, остался ли там кто живой из нашего народа.

— Полагаю, ты добровольно берёшь на себя эту задачу?

— Да. Мы можем подождать, пока стемнеет, и затем спуститься на гору. Если я правильно помню твои карты, со скалы есть тайный проход вниз. Я мог бы войти там и добраться до Нижних Залов.

— Снорри тоже пойдёт, — сказал Снорри. — Нельзя дать Готреку захапать всю славу. Заодно неплохая возможность уничтожить каких–нибудь воинов Хаоса.

— И я пойду, дядя, — внезапно заявил Варек. — Я желаю посмотреть на обитель моих предков.

— Полагаю, мне лучше тоже пойти. Внизу вам понадобится кто–нибудь хотя бы с половиной мозга, — произнёс другой голос.

Феликс был потрясён, опознав в нём свой собственный.

— Прежде, чем мы что–либо предпримем, давайте ещё раз посмотрим, что происходит внизу,

— сказал Борек. — Возможно, тогда нам станет понятнее, что там происходит.

Они снизили воздушный корабль чуть ниже уровня облаков и по широкой дуге двинулись вокруг горы. После облёта стало ясно, что гора окружена не одним, а четырьмя огромными военными лагерями.

Каждый лагерь занимали последователи одной из великих Сил Хаоса. Над ближайшим развевались кроваво–красные знамёна Кхорна. Над другим были вывешены светящиеся стяги Тзинча. Над третьим разными оттенками пульсировали многоцветные флаги Слаанеша. Истекающие слизью флаги Нургла поднимались над омерзительными полчищами четвёртого лагеря.

По мере наблюдения стало заметно, что последователи каждой из сил настороженно относятся друг к другу. Каждый лагерь был окружён рвом не только со стороны горы, но целиком, словно армии опасались нападения со стороны остальных. Феликс был уверен, что видел случайные стычки между воинами тут и там вдоль границ.

Он также увидел, что эти лагеря являются конечным пунктом назначения для всех хаосопоклонников, которых они заметили в пустыне. Те прибывали со всех сторон света и отправлялись по разным лагерям. Феликс готов был поставить на то, что каждый из них отыскивает лагерь своей Силы Хаоса, чтобы пополнить его ряды.

Феликс предполагал во всём этом определённую искажённую логику — если учесть, что четыре силы являлись соперниками и сражались друг с другом столь же часто, как с кем–либо ещё. Принимая во внимание разногласия, которые должны были возникать среди их последователей, имело смысл обособить их для снижения напряжённости. Никакой пользы Феликс из этого не извлёк, хотя чувствовал, что что–то упустил.

Затем, пока он наблюдал, находясь в безопасности на воздушном корабле, армия Кхорна сосредоточилась вдоль границы с армией Слаанеша и с могучим рёвом ринулась в бой. Было очевидно, что армии, помимо осады Караг–Дума, ещё и сражаются друг с другом.

— Мы будем ждать вас до тех пор, пока у нас не закончится провиант, затем мы улетим, — торжественно произнёс Борек. — Мы будем кружить на высоте и наблюдать за горой через телескопы. Если вы что–нибудь обнаружите, пробивайтесь обратно наверх и выстреливайте одной из зелёных сигнальных ракет Макайссона. Мы подойдём и заберём вас так быстро, насколько сможем.

Феликс кивнул и повторно проверил сигнальные ракеты, которые заткнул за пояс. Они по–прежнему находились там, как и другое снаряжение, которое выдали ему гномы: компас, постоянно горящий фонарь, в котором для освещения использовался один из их излюбленных светящихся камней, несколько фляжек с водой и одна с водкой. На плече у него был небольшой вещмешок, набитый продовольствием. Он снова надел свою кольчужную куртку, чему был рад.

Снова и снова Феликс спрашивал себя, зачем он это делает — и опять оказывалось, что точно сформулировать причину не получается. В том, чтобы остаться на воздушном корабле, было куда больше здравого смысла. По крайней мере, так он мог бы попасть домой, даже если Готрек и остальные потерпят неудачу. Всё же тут имело место нечто большее, чем обычное здравомыслие. Он и Готрек вместе встречали бесчисленные опасности и, несмотря на стремление Истребителя к гибели, они всегда оставались в живых. Феликс подозревал тут нечто большее, чем влияние удачи — нечто сродни судьбе, и потому в компании Истребителя у

него лучшие шансы выбраться из Пустошей Хаоса живым, чем в одиночку. По крайней мере, Феликс пытался убедить себя, что причина в этом.

И, по большому счёту, есть ещё его клятва. Он поклялся следовать за Истребителем и увековечить его гибель; и Феликс подозревал, что в достаточной степени воспринял мировоззрение гномов, чтобы со всей серьёзностью относиться к своему обещанию. Феликс выглянул в окно. Внизу он мог видеть огни лагерей Хаоса и неясные фигуры, двигающиеся вокруг них. Также изредка ему были слышны звуки соударяющегося оружия, когда вспыхивали драки.

Была ночь, или то, что заменяло её тут, в Пустошах. Они ждали многие часы, чтобы небо потемнело, и в итоге их терпение было вознаграждено. На воздушном корабле тоже было темно — все огни погасили, чтобы не выдавать свою позицию. Двигатели работали на минимальной мощности, чтобы производить как можно меньше шума. Перед ними возвышалась неясная масса вершины. «Макайссон знает своё дело, — надеялся Феликс, — и они не разобьются о гору». Разумом он понимал, что в темноте гномы могут видеть гораздо лучше людей, но между обладанием подобным знанием и верой в это всем сердцем существовала разница, особенно в такие моменты, когда на кону стояла жизнь.

— Если обнаружите выживших и захотите, чтобы мы пришли за вами, зажигай красную сигнальную ракету, — сказал Борек. — Понял?

— Я понял, — ответил Феликс.

Сложно было бы не понять. За время долгого ожидания Борек объяснял им это множество раз. Сигнальные ракеты были ещё одним изобретением Макайссона — вариация стандартной ракеты, оставляющая после себя блестящий след определённого цвета.

Воздушный корабль завибрировал, останавливаясь. Феликс знал, что для них это сигнал к выступлению. Готрек пошёл первым, выбравшись через люк на верёвочную лестницу, и вниз по ней. За ним последовал Снорри, радостно прогудев себе. Следующим пошёл Варек. Он приостановился у отверстия, нервно улыбнулся Феликсу, затем также исчез в люке. У него был закреплённый на груди мешок с бомбами, а за плечом висело необычное ружьё Макайссона. Феликсу хотелось бы иметь при себе такое оружие и уметь им пользоваться, но сейчас уже поздно обучаться. Он сделал глубокий вдох, выдохнул и выбрался на верёвочную лестницу.

Ночной ветер пощипывал его тело. Ветер был холоден, чего Феликс никак не ожидал обнаружить посреди пустыни. Он призвал себя к благоразумию. Они находятся где–то далеко к северу от Кислева, и ветер обязан быть холодным. Верёвочная лестница немного раскачивалась под весом спускающихся, и желудок Феликса беспокоило.

«О Сигмар, что я тут делаю? — спрашивал он себя. — Как оказался я под летающей машиной, спроектированной безумцем; раскачиваясь и болтаясь над горой, на склонах которой стоит лагерем великая армия из тысяч воинов Хаоса? Ладно, по крайней мере, это будет занятная смерть».

Затем он собрался с духом и продолжил спуск.

* * *

Все четверо стояли на выступе вблизи вершины, в тени защитной стены. Поглядев вверх, Феликс увидел, что верёвочную лестницу сматывают обратно на воздушный корабль, и судно снова поднимается в небеса, за пределы досягаемости колдунов орды Хаоса. Он навострил

уши, прислушиваясь, не поднял ли тревогу какой–нибудь часовой. И слышал лишь гудение Снорри.

— Прекрати, пожалуйста, — прошептал он.

— Конечно, — громко ответил Снорри.

Феликс подавил острое желание стукнуть его своим мечом.

— Эта тропа должна привести нас к Орлиным воротам, — зашептал Варек.

— Тогда пошли, — произнёс Готрек. — Нечего время терять.

Они остановились у чудовищной статуи орла, вырезанной в скале. Готрек протянул руку вниз, между когтей её правой лапы, и нажал спрятанный переключатель. Небольшое отверстие, как раз такого размера, чтобы мог протиснуться гном, открылось в её основании. Они проскользнули через него. Феликс услышал щелчок другого переключателя, и позади них пропал тусклый свет внешнего мира.

Он почувствовал, как Варек тянет его за рукав. Они заранее договорились, что не будут зажигать свет, пока не поймут, что путь безопасен. Таким образом, в темноте их ничто не должно выдать. Феликс сознавал, что для гномов это не проблема, так как они реально способны видеть в темноте, но этот план оставлял его незрячим и полностью полагающимся на поводырей. Возможно, это всё–таки был не такой уж хороший план. Он протянул левую руку, чтобы почувствовать холодный камень стены, а затем последовал туда, куда вёл Варек.

— Тут имеется много подобных секретных выходов наружу, — прошептал Варек. — Они использовались для вылазок во время осад.

— А если предатели воспользуются ими, чтобы проникнуть в город? — спросил Феликс.

— Ни один гном никогда не совершит подобного, — ответил Варек.

Феликс услышал истинное потрясение в голосе молодого гнома от того, что кто–либо вообще смог сделать подобное предположение.

— Потише там, позади, — сказал Готрек. — Вы стремитесь привлечь внимание каждого зверолюда и твари Хаоса на горе?

— Это неплохая идея, — произнёс Снорри.

Послышался шум, подозрительно похожий на удар кулака Готрека по голове Снорри, затем наступила тишина.

Ларк ухмылялся. Боль прошла. Долгие дни судорог и лихорадки в его импровизированной норе закончились. Он более не ощущал пульсирующей боли в черепе и ломоты в каждой кости его вытягивающегося туловища. Он прошёл очищение болью, преобразование муками. Он — избранный Рогатой Крысы, получивший благословение Наблюдателя в Непостижимой Темноте, Суетливого Повелителя Преисподней.

Подсознательно Ларк понимал, что изменился, и эти изменения были знаком благосклонности его повелителя. Пыль искривляющего камня явилась всего лишь катализатором — веществом изменения, что несло благословение его бога. Теперь он стал крупнее, слишком большим,

чтобы помещаться в своём ящике, таким огромным, что вынужден был приседать, чтобы протискиваться по коридорам. У Ларка прибавилось сил. Плечи стали широкими, как у крысоогра. Грудная клетка стала походить на бочонок из мышц. Его руки стали толще, чем когда–то были ноги, которые теперь стали колоннами пульсирующей силы.

Ларк чувствовал, что может голыми лапами сгибать стальные прутья и рвать гранит своими клыками.

Теперь его зубы стали гораздо длиннее и острее. Нижние клыки выдавались, словно бивни, и осложняли ему правильное закрытие пасти. Слюна постоянно сочилась в уголках его рта.

Череп Ларка укрупнился, и было такое ощущение, словно кости выступили сквозь его щёки и образовали маску тяжёлой брони. На лбу выросли большие рога, наподобие бараньих. Временами они вызывали у него раскалывающую головную боль, но теперь он понимал, что рога являются показателем расположения Рогатой Крысы — знаком того, что он действительно избранный; благословением, что отмечало его, как непохожего на других, особенного, более совершенного. Всю свою жизнь Ларк знал, что он лучше остальных скавенов, и, наконец, теперь этому есть доказательство.

Взгляните на его хвост: такой длинный, такой гладкий, такой гибкий, увенчанный четырьмя шипами — настоящая костяная булава. Взгляните на его когти — столь же длинные, столь же острые, каждый размером с кинжал. Ларк превратился в живую машину разрушения, движимую ненавистью и голодом, горящими в его сердце. Ему нечего бояться ничтожеств, подобных Танкуолю. Когда он возвратится в Скавенблайт, это станет абсолютным триумфом. Сам Совет Тринадцати будет лежать ниц у его ног. Ларк поведёт объединённые армии расы скавенов и сокрушит всё на своём пути. Целый мир содрогнётся и будет порабощён непобедимым и всемогущим Ларком.

Но сейчас он голоден — самое время поохотиться. Ларк услышал приближающиеся шаги гнома. Прислушавшись на мгновение, он обнаружил, что гномов там несколько. Глубоко укоренившийся инстинкт подсказывал ему, что превосходство в численности хорошо лишь тогда, когда оно на твоей стороне. Неблагоразумно нападать на группу противников. «Возможно, — решил он, — стоит подождать ещё немного, пока там не останется лишь один гном, и тогда… тогда он покажет свою невероятную мощь».

* * *

Феликс услышал низкое громыхание камня о камень, когда Готрек нажал ещё один переключатель. Порыв вонючего воздуха коснулся его лица, и он предположил, что гном открыл другую потайную дверь. Они быстро прошли вперёд, и Феликс услышал, как открытая дверь за ними вернулась обратно на место. Он не понимал, почему это произошло. Он не слышал, чтобы был нажат второй переключатель. Возможно, механизм срабатывал по времени. А может быть, тут под ногами находится плита, реагирующая на давление. Феликс понимал, что его вопросы подождут. Ему может потребоваться самостоятельно выбраться назад по этому пути, если он разделится с остальными.

Впереди был свет — тусклое и отдалённое свечение. Оно ослабевало, и время от времени пропадало, лишь чтобы снова обрести яркость. Это не было похоже на свет факела, скорее, на светящийся камень или заклинание. В этом слабом освещении Феликс теперь смог увидеть перед собой коренастые очертания гномов.

Готрек поднял руку, показывая, что им следует оставаться на местах, затем бесшумно

двинулся вперёд, с осторожностью, которой Феликс от него даже не ожидал.

Он был рад, что Истребитель, как кажется, весьма серьёзно воспринимает их задание. Видимо, потребность разузнать о судьбе жителей Караг–Дума преобладала даже над его стремлением к героической смерти. «А почему бы и нет? — спросил себя Феликс. — Одно не исключает другого. Если Готрек стремится войти в анналы истории гномов, есть ли способ лучше, чем остаться в памяти спасителем затерянных сородичей? Или у него имеются другие, более личные мотивы?» Феликс понимал, что спросить он никогда не отважится.

Он сделал ещё один глубокий вдох, чтобы успокоиться. Воздух был затхлым, в нём ощущался запах гниения и чего–то ещё. Это была вонь того типа, что он помнил по логову гарпий в зиккурате — мерзкий запах зверей Хаоса. Феликс расслышал фырканье Снорри и понял, что вооружённый молотом Истребитель тоже это почуял.

Впереди Готрек достиг перекрёстка и кивнул им следовать за ним. Они заторопились вперёд, пока не достигли прохода и не оказались в другом длинном коридоре.

Дрожащий свет исходил от светящихся самоцветов, установленных в потолке. Некоторые были разбиты, некоторые извлечены. Оставшиеся были потрескавшимися и работали с перерывами, отправляя тени скользить во мраке.

Каменная кладка напомнила Феликсу архитектуру гномов, которой он восхищался в Караке Восьми Вершин. Стены поддерживались тёсаными блоками базальта. Массивные арки поддерживали высокий изогнутый свод. Каждая была произведением искусства. Ближайшая была вырезана в виде двух коленопреклонённых гномов, смотрящих друг на друга через коридор, держа свод на своих спинах.

Должно быть, они были прекрасны с момента своего создания, но теперь подверглись вандализму. Лица были сколоты, а части кладки были выщерблены оружием. Феликса разозлило, что кто–то смог повредить произведение, в которое скульптор вложил столь много труда.

Пока они медленно продвигались по коридору, Феликс заметил, что те следы разрушения были не единичным случаем. Каждая арка была обезображена подобным образом. Многие из них почернели от пламени или были опалены заклинаниями. Некоторые выглядели, словно изъеденные кислотой.

Постепенно Феликсу пришло в голову, что он наблюдает не обычный беспричинный вандализм, но признаки сражения. В этом коридоре когда–то шёл ожесточённый бой с применением разнообразного оружия, обыкновенного и сверхъестественного. Им стали попадаться скелеты, до сих пор одетые в доспехи и сжимающие оружие в костяных пальцах. Некоторые из них принадлежали гномам, некоторые — ужасно мутировавшим зверолюдам.

— Итак, нам теперь известно, что последователи Хаоса прорвались внутрь, — прошептал Варек.

— Да, и отважные гномы встретили их холодной сталью, — произнёс Готрек.

— Но жив ли кто–нибудь из них теперь? — пробормотал Феликс.

Коридоры уводили их всё дальше и дальше. Некоторые шли под уклоном вниз. Другие выводили к крутым лестничным колодцам. Всюду имелись следы давних сражений. Мумифицированные останки лежали повсюду. Над всем витала аура зла. Где–то в глубинах

таилось ужасное нечто. Феликс с трудом пытался удерживать под контролем свой страх, что изводил его, нашептывая, что там, за следующим изгибом или в конце следующего пролёта лестницы им повстречается нечто опасное, сверхъестественное и ужасное.

Готрек приостановился в одном длинном зале, оцепленном колоссальными статуями. Пол был усыпан телами, но ни одно из них не принадлежало гному. Все они были зверолюдами или воинами Хаоса. Пара тел лежала с мечами меж рёбер. Ударив одновременно, они убили друг друга.

Готрек задумчиво осмотрел обоих.

— Тут произошло кровопролитие между мерзкими тварями.

— Возможно, они поссорились из–за дележа трофеев?

— Тогда где сокровища, Феликс? — поинтересовался Варек.

— Унесены победителями, — ответил Феликс.

Он рассмотрел тела вблизи и заметил, что на них разные знаки отличия.

— Возможно, они последователи разных сил или враждующих военачальников. Возможно, победители из–за чего–то повздорили.

— Может и так, — сказал Готрек.

— Почему тут так тихо? — спросил Феликс. — Снаружи целая армия, но мы не видели никого с момента, как сюда попали.

Готрек рассмеялся.

— Это одна из древнейших крепостей гномов, человечий отпрыск. Она простирается под землёй на лиги. Тут сотни уровней. Общая протяжённость коридоров и залов должна исчисляться тысячами лиг. В небольшом уголке этого города может потеряться армия величиной с одну из тех, что на поверхности.

— Тогда как мы собираемся отыскать выживших, которые тут могут оставаться?

— Если здесь внизу живут какие–нибудь гномы, то они будут находиться в определённых местах, куда мы и направляемся, — заметил Варек.

И они настойчиво двинулись в темноту.

По многим другим местам было понятно, что сражения происходили не между гномами и хаосопоклонниками, но между самими последователями Тёмных Сил. Лишь изредка им попадались признаки того, что в военных действиях принимали участие гномы. По обнаруживаемым ими телам становилось всё более очевидным, что тут шла война между силами Хаоса. Они обнаружили свидетельства сражений между воинами Слаанеша и неистовыми последователями Кхорна. Они обнаружили свидетельства, что поклоняющиеся Тзинчу сошлись в бою с зачумлёнными служителями Нургла. В одном большом зале, через который они проходили, сошлись последователи всех четырёх сил и перебили друг друга.

Феликс находил сумрак гнетущим. Блуждания по этим бесконечным коридорам со следами сражений и вид останков давних боёв приводили в уныние. Он размышлял о тех огромных

армиях, стоящих лагерем на поверхности. Кого они представляют? Чего они ждут? Это казалось бессмысленным. Феликс пожал плечами. И потом, почему подобное его удивляет? По его критериям здравомыслия, хаосопоклонники невменяемы. Возможно, они сражаются по непостижимой прихоти своих Тёмных Богов. Возможно, они сражаются для увеселения той злобной твари, которую он почувствовал внизу. Столь же возможно, что Феликс с товарищами — единственные существа, которым позволено тут передвигаться из–за какой–то причуды какого бы то ни было создания, затаившегося в глубинах. Он прикидывал, ощущают ли остальные такое же тревожное чувство присутствия таинственной силы. Он не находил в себе мужества задать им этот вопрос.

По мере того, как они шли и шли через галереи, отражающие эхо, и помещения с высокими потолками, становилось ясно, что Готрек был прав. Здесь определённо хватало места, чтобы разместить множество армий, даже если все они будут по численности равны войскам, собравшимся снаружи. Феликс не представлял, как должна была проходить жизнь обитателей подземного города, вроде этого, в пору его расцвета. Даже до прихода последователей Хаоса, город, должно быть, был практически пуст. Феликс знал, что гномы — вымирающая раса, и была таковой тысячелетиями. Однако должны были быть и такие времена, когда эти улицы заполняли гномы, что продавали и покупали, смеялись и плакали, любили — словом, жили, занимаясь своими повседневными делами. Теперь город выглядел гробницей, которую оскверняли мёртвые тела захватчиков, разбросанные повсюду.

Готрек опустился на колени подле козлоголового трупа, перед которым внезапно остановился. Тот не был похож на остальные, что им встречались — он был ещё тёплым! Плоть оставалась на его костях. Под ним образовалась лужа тёплой чёрной крови. Поблизости лежали прочие зверолюды, все были мертвы.

Феликс присел на корточки, чтобы рассмотреть получше. Зверолюд и при жизни не был красавцем, а смерть его внешний вид не улучшила. У него была большая голова козла и тело человека. Мохнатые ноги оканчивались копытами. На лбу была выжжена метка Кхорна. Его странные водянистые глаза остекленели. Они безучастно уставились в потолок, возвышающийся высоко над головой. В груди зверолюда засело древко арбалетного болта, второй болт торчал в брюхе. Одна рука зверолюда по–прежнему сжимала стрелу, убившую его. Рука имела прекрасный внешний вид, напоминала скорее руку монаха, чем чудовища; и Феликс подумал о том, насколько неуместно она выглядит в сочетании со звериным обличием. От зверя несло мокрой шкурой, фекалиями и мочой.

Готрек дёрнул один из арбалетных болтов. Тот высвободился с неприятным чавкающим звуком, и небольшая струйка чёрной крови выступила из раны. Готрек повертел болт в руке, внимательно изучив своим единственным здоровым глазом. Феликс не понимал, чем Готрека так привлёк этот болт. Тот выглядел добротно, но едва ли отличался от любого другого арбалетного болта из когда–либо ему попадавшихся.

— Это оружие гномов, — наконец высказался Готрек, с чем–то вроде торжества в голосе.

— С чего ты взял? — спросил Феликс.

— Посмотри на качество изготовления, человечий отпрыск. Человеку даже не удалось бы сделать столь плотно прилегающий наконечник, или оперить болт столь качественно. Кроме того, на кончике имеются гномьи руны.

— Так ты утверждаешь, что эти зверолюды перебиты гномами?

Готрек пожал плечами и отвёл глаза.

— Может быть.

— Может быть, зверолюды нашли один из арсеналов, — неуверенно предположил Варек.

Он явно не желал возражать Готреку, и как заметил Феликс, сам надеется, что неправ. Вареку хотелось бы, чтобы внизу оказались гномы, продолжающие сражаться.

— Ты когда–либо видел зверолюда, вооружённого арбалетом? — спросил Готрек.

— Это мог быть воин Хаоса.

— Коли так, может, видел воина Хаоса, вооружённого арбалетом?

Это было справедливое замечание. Во всех своих столкновениях с последователями Тёмных Сил, Феликс никогда не встречал ни одного воина, кто пользовался бы столь продвинутым оружием. Разумеется, отсюда не следовало, что именно этот раз не мог оказаться первым. Он решил оставить эту мысль при себе. А взамен спросил:

— Тогда как мы найдём этих гномов?

— Может, Снорри спросит у тех зверолюдов? — предложил стоящий позади Снорри.

У Феликса ёкнуло сердце, когда он услышал слова Снорри. Он обернулся в том направлении, куда показывал Истребитель. Разумеется, там стояла толпа — не менее двадцати зверолюдов. С мгновение те выглядели столь же изумлёнными, как Феликс, но затем отошли от потрясения и подняли свои копья для атаки.

— А, может, нам просто убить их? — произнёс Готрек, нагибая голову и бросаясь в атаку.

— Нет! Не надо! — заорал Феликс, но было уже поздно.

Варек начал вращать рукоятку своего необычно выглядящего ружья. В зверолюдов градом полетели пули, прикончив двух и опрокинув ещё парочку. Завывая от бешенства, с пеной у рта от исступления, зверолюды ринулись вперёд. Феликс понимал, что им теперь не остаётся ничего, кроме как биться и, вероятнее всего, погибнуть в бессмысленной стычке с хаосопоклонниками. Снорри явно принял такое же решение, потому как вскинул вверх своё оружие и начал двигаться вперёд. Из–за двух Истребителей, заблокировавших ему прямую видимость, Варек начал перемещаться на новую позицию, надеясь обойти зверолюдов сбоку и открыть огонь во фланг их построения.

Феликс обнажил свой клинок и ринулся вперёд, на помощь Готреку и Снорри. Прежде чем он смог вступить в бой, прежде чем обе стороны приблизились друг к другу на расстояние двадцати шагов, град арбалетных болтов взметнулся из темноты и обрушился на зверолюдов. Стрелы падали, словно тёмный дождь. Феликс видел, как одно собакоголовое чудище свалилось с болтом в глазу и стекавшими по щеке кровавыми слезами. Пока оно падало, его грудь, словно подушечку для игл, утыкали болты. Другой зверолюд схватился за сердце и упал, чтобы быть затоптанным копытами своих собратьев. Атака зверолюдов захлебнулась, их погибало всё больше и больше. Уцелевшие останавливались и оглядывались вокруг, отчаянно пытаясь заметить, откуда ведётся стрельба.

Готрек, Снорри и Феликс столкнулись с ними и прошли сквозь их ряды, как топор сквозь

гнилую древесину. Феликс почувствовал отдачу от удара, затем что–то тёплое и липкое потекло по его руке. Он рывком высвободил лезвие, пинком отправил на землю одного зверолюда и рубанул другого. Его меч попал удивлённому зверолюду в плечо, отскочил вверх и отсёк ухо. Не теряя времени на возвращение меча в ударную позицию, Феликс навершием эфеса ударил в лицо врагу и почувствовал, как у того во рту ломаются зубы. Зверолюд издал вопль боли, прежде чем Феликс сбил его с ног и заколол в сердце.

Едва начавшись, бой был окончен. Ошеломлённые яростью своих врагов, последние из выживших зверолюдов развернулись и бросились наутёк. Феликс заметил, что Готрек зарубил четверых — их искалеченные останки лежали у его ног. Снорри подпрыгивал вверх–вниз на трупе, счастливый, словно играющий в песочнице ребёнок. Залп из ружья Варека скосил убегающих зверолюдов.

Феликс смотрел вокруг, испытывая одышку, скорее как реакцию на неожиданно непродолжительный бой, чем от усилий. Ему хотелось узнать, кто же это помог им, и поблагодарить.

— Ни с места! — произнёс низкий гортанный голос. — Вы на волосок от смерти.

http://tl.rulate.ru/book/2507/47316